

Серия
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ:
учебные пособия и материалы

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Академик РАН
Г. М. Бонгард-Левин –
председатель

Профессор *А. А. Вигасин*

Профессор *Д. В. Деопик*

Профессор *М. С. Мейер*

Академик РАН *В. С. Мясников*

Профессор *Р. Б. Рыбаков*

Член-корреспондент РАН *И. М. Стеблин-Каменский*

Академик РАН *С. Л. Тихвинский*

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

DIE GNOSTISCHEN SCHRIFTEN
DES KOPTISCHEN PAPYRUS
BEROLINENSIS
8502

Herausgegeben, übersetzt und bearbeitet von
Walter C. Till

Zweite, erweiterte Auflage bearbeitet von
Hans-Martin Schenke

Berlin
VERLAG «AKADEMIE»
1972

СОЧИНЕНИЯ ГНОСТИКОВ
В БЕРЛИНСКОМ КОПТСКОМ
ПАПИРУСЕ
8502

Перевод с немецкого и коптского,
дополнительные примечания и главы
А. С. Четверухина

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2004

УДК 165.9:27

ББК 87.22г

С69

С69 **Сочинения гностиков** в Берлинском коптском папирусе 8502 / Пер. с нем. и коптского, доп. примеч. и главы А. С. Четверухина. — СПб.: Алетейя, 2004. — 448 с. — (Серия «Востоковедение: Учебные пособия и материалы»).

ISBN 5-89329-678-8

Публикуемый папирусный кодекс содержит основы основ гностического учения — религиозного течения, близкого к раннему христианству и одновременно конкурентного ему во II–IV вв. н. э. Полный и комментированный перевод этого кодекса на русский язык осуществляется впервые. И хотя он базируется на немецком издании, но отличается от последнего полнотой филологического комментария и наличием разделов, которые ориентируют русское издание на гораздо более широкую читательскую аудиторию.

УДК 165.9:27
ББК 87.22г

ISBN 5-89329-678-8

9 785893 296785

© А. С. Четверухин, перевод с немецкого и коптского, дополнительные примечания и главы, 2004

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2004

© «Алетейя. Историческая книга», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Было бы крайне несправедливо обойти молчанием тех замечательных зарубежных исследователей, благодаря стараниям которых мы получаем ныне уникальную возможность ознакомиться с материалом данного гностического сборника и ознакомиться с ним российского читателя.

Говоря о них, мы не стараемся отдать дань определённой моде или соблюсти некую формальность. Всякая разработка научной темы имеет свою историю. И от того, насколько мы владеем ею, более широко — историей науки в целом, зависит качество наших собственных построений. История науки — это важнейший элемент её культуры. К гуманитарной или к культурологической дисциплине это относится тем более. Небрежность в отношении к истории науки — это неуважение к своим предшественникам и, как следствие, бескультурье, коего должно избегать елико возможно.

Первым исследователем этого текста явился Карл Шмидт (Carl Schmidt), родившийся в Хагенове (Hagenow) в районе Мекленбурга 26 августа 1868 года в семье школьного учителя. В десятилетнем возрасте он окончил начальную школу, в 1887 г. — классическую гимназию в Шверине. В том же году он поступил в Лейпцигский Университет, представлявший собой, без преувеличения, средоточие талантливейших германских филологов. Наряду с дисциплинами, входящими в круг предметов классической филологии, он изучал также древнееврейский язык и сравнительное языкознание. Последняя дисциплина в то время успешнее всего развивалась именно в Германии, вызывала живейший интерес среди подрастающего поколения филологов и воплощала новейшие достижения передовой лингвистической науки. Среди наставников К. Шмидта были такие выдающиеся исследователи, как гебраист Франц Делич, лингвист-индоевропеист и одновременно известный теоретик Карл Бругманн, а также специалист по индологии Эрнст Виндиш. Тем не менее, К. Шмидт переезжает в Берлин, где с 1888 по 1894 год продолжает образование в Берлинском Университете. На такой шаг его подвигло то обстоятельство, что ещё на первом курсе он глубоко заинтересовался историей христианства и особенностями процесса его становления в Египте. А для того чтобы приобрести к подобным знаниям, ему было необходимо найти совсем других учителей и заняться такими предметами, как древнеегипетский и коптский (последняя ступень развития древнеегипетского языка). Поэтому ближайшими его наставниками становятся зна-

менитый египтолог Адольф Эрман, талантливый коптолог Георг Штайндорфф и известный религиовед и коптолог Адольф Харнак, с которым К. Шмидта на всю жизнь связала крепкая дружба и тесное сотрудничество. В 1899 г. К. Шмидт стал приват-доцентом, в 1909 г. — экстраординарным профессором, в 1928 г. — профессором. Многими современниками научная карьера К. Шмидта расценивалась как блестящая, и не столько из-за формального быстрого продвижения по служебной линии, сколько по количеству и качеству опубликованных трудов: пятнадцать монографий и более сотни статей и заметок, не потерявших актуальности и в наши дни. К. Шмидт был в числе тех, кто способствовал тому, чтобы коптология стала восприниматься, с одной стороны, как уважаемая и вполне самостоятельная научная дисциплина, а с другой — как составная часть того минимального круга предметов, который необходим при подготовке египтолога любого профиля, независимо от того, специализируется ли он в дальнейшем на истории, религиоведении, культурологии, египетской филологии или афразийской (семитохамитской) лингвистике.

К. Шмидт быстро превратился в признанного знатока в области патрологии (или патристики — направления, занятого исследованиями апокрифических и канонических деяний апостолов и отцов Христианской Церкви), папирологии (всестороннего филологического изучения древних манускриптов, в данном случае — коптских и греческих) и истории раннего христианства и соперничавших с ним направлений. Вероятно, именно в этом, последнем направлении К. Шмидт достиг наибольших успехов, свидетельством чему является неослабевающий интерес к его публикациям и к исследованиям деяний святых отцов, манихейских и гностических источников, в частности, такого сложного источника, как Кодекс Бруцианус (*Codex Bezae Cantabrigiae* или «Брюсов Список»), именуемый так в честь своего приобретателя, жившего в XVIII столетии, а именно Джеймса Брюса — James Bruce). Благодаря этому списку до нас дошли такие гностические сочинения, как Пистис София («Вера-Мудрость»), книги 1–4, оригиналы которых датируются второй половиной III века (н. э.), причем четвертая книга как будто на несколько десятков лет моложе, чем первые три, Книги Йеу (210–250 гг.) и так называемое раннегностическое сочинение, оригинал которого датируется 170–200 гг.

Но особую, прямо-таки роковую, роль в судьбе К. Шмидта сыграл именно публикуемый здесь сборник. Если в самом начале своей научной деятельности (в 1896 и в 1903 годах) ему удалось без особых осложнений опубликовать сначала обзор этого кодекса, а затем «Деяние Апостола Петра», то дальнейшая работа над источником просто не пошла, о чем упомянуто ниже в разделе «Публикация». Более того, 17 апреля 1938 г. К. Шмидт скончался буквально над страницами этого кодекса, так и не доведя дело до конца, хотя именно этой работе он посвятил остаток своих дней, удаливших от дел в 1935 году.

Так или иначе, но работа, проделанная К. Шмидтом по подготовке первого издания данной рукописи, — настоящий научный подвиг. Полуистлевшие страницы,

стёртые буквы, ошибки и исправления самих переписчиков, вульгарный и избыточный диалектизмами язык, но главное — эмоционально и объективно малопопулярный, можно сказать, зашифрованный текст — вот с чем пришлось долгие годы иметь дело исследователю-первопроходцу К. Шмидту. Дело осложнялось тем, что работать приходилось не столько с оригиналом (иначе бы он просто рассыпался в прах), сколько с фотографиями. Но ни одна фотография, даже великолепного качества, не может сравниться по достоверности передаваемого с самым плохим оригиналом. Напомним, что только в последние десятилетия мы вооружились такими техническими средствами, которые позволяют прочесть то, что смыто или облетело. И всё-таки К. Шмидту удалось сделать главное: разобрать текст, т. е. идентифицировать каждый знак, поморфемно расчленив поток знаков, установить грамматические формы, предположительно нащупать синтаксические связи и, как результат, добиться более или менее внятного смысла. Все последующие исследователи, хотя бы они того или нет, просто вынуждены опираться на уже достигнутые результаты.

Непросто пришлось и Вальтеру Краму (Walter Ewing Crum), хотя этот исследователь никогда не задавался целью опубликовать данный источник. Тем не менее, не кто иной, как В. Э. Крам, пользуясь фотографиями данного текста и консультируясь с К. Шмидтом, в целом же работая вполне самостоятельно, разнес лексику и обороты данного текста по статьям своего знаменитого словаря, без которого ныне не может обойтись ни один коптолог, ни один египтолог-филолог.

Этот исследователь родился в Глазго 22 июля 1865 года. Он получил образование сначала в Итоне (1879 г.), затем в Оксфорде (1888 г.), где проникся интересом к египтологии. Ради продолжения занятий этой дисциплиной он переехал в Париж, где прошёл стажировку под руководством Гастона Масперо (G. Maspero), затем переехал в Берлин, где продолжил своё обучение у первой величины германской египтологии того времени — Адольфа Эрмана (A. Erman). Там он защитил докторскую диссертацию. В равной степени владея основами старо-, средне-, новоегипетского, демотического и коптского (этапы развития древнеегипетского языка, а фактически — самостоятельные языки, более разошедшиеся, чем архаическая латынь и молодежный разговорный французский слэнг), он решил специализироваться в области коптской филологии, разделив вместе с Георгом Штайндорффом (G. Steindorff) ведущее положение в тогдашней коптологии, а вскоре стал видным специалистом по коптской филологии. С 1892 года он интенсивно изучал коптские манускрипты, хранящиеся не только в Великобритании, но и в других странах, пока Первая мировая война не прервала эту его деятельность. Разбирая многочисленные, разнородные и разновременные коптские рукописи, В. Э. Крам с лихвой убедился на собственном опыте в никчёмности старых словарей. Свою вынужденную изоляцию в годы Первой мировой войны В. Э. Крам обратил на пользу себе и мировой науке: он засел за работу по составлению принципиально нового словаря.

Помимо титульной основы, чаще всего совпадающей с лексемой, взятой из саидского диалекта (как наиболее престижного в эпоху поздней античности и раннего Средневековья), словарная статья должна была содержать формы, встречающиеся в других диалектах, отмечены варианты и аномальные формы, должны были быть даны сноски на конкретные тексты, где всё это встречается, наконец, греческие эквиваленты из параллельных текстов, каковыми, как правило, оказываются Книги Священного Писания, лексические обороты на основе титульной лексики, устойчивые и окказиональные, примеры устойчивых контекстов и даже предложное и наречное управление. Если лексема имеет варианты, обусловленные позицией данной основы в составе более сложной синтагмы, то отмечены должны были быть её независимый, изолированный или полноударный вариант (*status absolutus*), предместоименный вариант (*status pronominalis*) и вариант с ослабленным ударением в позиции перед другим полноударным именем при прямом примыкании (*status nominalis*). Это в отношении практически всех основ, независимо от их лексико-грамматической принадлежности. Что же касается глагольных основ, то автор намеревался дать, помимо форм инфинитива, формы квалитатива, т. е. формы качества и состояния. И ведь всё это было осуществлено! Правда, не без помощи почти всех коптологов того времени. В. Э. Крам прямо указывает, что если бы не помощь коллег, словарь едва ли удалось бы довести до состояния публикации. Но даже если учесть то, что саидский, фэйюмский и значительную часть ахмимского материала он поднял собственноручно с помощью всего двух коллег-друзей, то и такую работу можно смело признать невыносимо трудоёмкой. Тем самым В. Э. Крам продемонстрировал выдающиеся организаторские способности, помимо чисто научных. Сама мысль о создании большого коптского словаря не была оригинальной, но напрямую была связана с идеей Адольфа Эрмана по созданию большого египетского словаря. Этот проект осуществлялся Берлинской Академией наук. В. Э. Крам пишет, что если бы не это обстоятельство и не горячая поддержка А. Эрмана, то и его собственная идея едва ли получила бы развитие.

Идея Адольфа Эрмана тоже нашла воплощение: вместе со своим коллегой Германом Граповым (H. Grapow) он создал целый коллектив египтологов, к которому примкнули практически все маститые ученые, и в период с 1926 по 1931 год Большой (пятитомный берлинский) Египетский словарь вышел! Он также известен как Словарь Эрмана-Грапова.

Большой Коптский Словарь, иначе именуемый Словарём Крама, выходил в девяти выпусках в период с 1929 по 1939 год.

И тот и другой выдержали проверку временем, стереотипно переиздавались, но теперь на повестку дня встал вопрос о принципиально новых изданиях.

Любопытно, и вместе с тем заставляет задуматься то обстоятельство, что после Второй мировой войны не прошёл ни один совместный проект, сравнимый с вышеупомянутыми. И дело, по-видимому, вовсе не в финансировании.

Отдавая дань памяти В. Э. Крама, следует сказать, что даже если бы он не издал более тридцати монографий (публикаций текстов и исследований), 76 статей и 48 рецензий, его имя навечно осталось бы в мировой науке (как в коптологии, так и в египтологии). Можно утверждать, что несмотря на наличие великолепно-го коптского этимологического словаря Вольфхарта Вестендорфа (W. Westendorf), созданного на основе словаря Вильгельма Шпигельберга (W. Spiegelberg), изданного в период с 1965 по 1977 год, словарь В. Э. Крама, вопреки ряду недостатков, еще долго будет сохранять то значение, которое он имеет в настоящее время. Скончался В. Э. Крам 18 мая 1944 г., т. е. через пять лет после выхода в свет своего знаменитого словаря.

Благодаря этому специалисту в словарь была внесена почти вся лексика нашего сборника, причем она зачастую снабжена пометками, свидетельствующими о том, что текст пестрит редкими и аномальными формами. А это прекрасный материал для размышлений. К тому же толкования В. Э. Крама в ряде случаев намекают на несколько иной смысл, чем тот, что явствует из интерпретаций Шмидта-Тилля-Шенке. Таким образом, и В. Э. Крам внес определенный вклад в интерпретацию издаваемого источника.

Как ни старался К. Шмидт опубликовать данный сборник, осуществить эту идею ему не удалось. Зато удалось Вальтеру Тиллю (Walter Curt Franz Theodor Karl Alois Till), родившемуся в Австрии в местечке Штокерау (Stockerau) под Веной 22 февраля 1894 года в семье государственного служащего. Начальную школу он закончил в Герцогенбурге, что в Нижней Австрии, затем закончил государственную классическую гимназию в Кремсе-на-Дунае за год до начала Первой мировой войны. Он вспоминал, что интерес к иностранным языкам пробудился у него ещё в начальной школе. С жадностью ловил он каждое неведомое для него иноземное слово или выражение и тут же пытался уяснить себе его смысл. И только в 1905 году, уже в гимназии, он сумел начать систематически заниматься изучением иностранных языков. Но, по его мнению, самостоятельные занятия дали ему гораздо больше. Так он осваивает английский, французский и итальянский. Лучшим другом для него стала грамматика или учебник какого-нибудь иностранного языка. Как-то раз в гимназической библиотеке ему удалось разыскать книжку о Египте, из которой он узнаёт, что, оказывается, египетские иероглифы тоже читаются, и даже более того: что этот язык можно выучить, как и всякий другой! Это открытие явилось для него знаменем судьбы, и привязанность к египетскому языку прошла с ним сквозь всю его жизнь.

Семью, из которой происходил В. Тилль, трудно было назвать не только зажиточной, но и просто надёжно обеспеченной. Это вынудило его сразу же по окончании гимназии попытаться соединить приятное с полезным и найти практическое применение своим языковым способностям. А раз так, то продолжать учёбу пришлось не на историко-филологическом факультете Венского Университета или где-нибудь ещё, а в Высшей Школе Мировой Торговли, затем — в Экспортной Ака-

демии, которую он и заканчивает уже в самый разгар войны в 1916 году. Нет худа без добра: из-за плохого сердца его не берут на фронт, но и торгово-финансовыми делами заниматься новичку, да ещё в разгар войны, было трудно. «Чистая наука» взяла своё. И тогда он поступил в Венский Университет, где начал изучать древнеегипетский и семитские языки под руководством знаменитого египтолога Германа Юнкера (H. Junker). Но даже в период 1916–17 гг., ещё не будучи студентом Венского Университета, В. Тилль приступил к самостоятельному изучению арабского и древнеегипетского языков. Заметим, что к тому времени А. Эрман уже несколько раз переиздал свою «Грамматику Египетского Языка», последнее издание которой вышло в 1928 г.

В. Тилль с головой ушёл в родную стихию, изучая египетский, коптский и семитские языки. На пороге окончания университета, в 1920 г., он написал дипломную работу о системе личных местоимений в египетском языке и сопоставил её с таковой в семитских. Работа была признана образцовой. Заметим, что эта тема и поныне актуальна и отнюдь не исчерпана, как это может кому-нибудь показаться, ибо система дейксиса представляет собой своеобразный маркер положения того или иного языка в континентальной типологии, умелое использование теории которой позволило бы в том же египетском на ранних стадиях его развития выявить скрытые морфологические показатели, что, в свою очередь, повлекло бы за собой реконструкцию исхода словоформ, а это уже проблема так называемой египетской вокализации, не решенная до сих пор. Но в те времена не было еще вышеуказанной теории, а ее «дедушка» занимался сравнением кавказских и семитских языков и только ещё строил теорию, которую в начале пятидесятих годов во многом справедливо раскритиковал один из самых суровых людей уходящего столетия, «гений всех времён и народов».

Окончив Венский Университет и получив ученую степень доктора филологических наук, В. Тилль был вынужден, однако, идти по тому пути, который открывал ему диплом Экспортной Академии (или Академии Внешней Торговли). Причина тому — не меркантильные соображения В. Тилля, а элементарная невозможность заработать себе на хлеб, занимаясь любимым делом. Виною тому — экономическая разруха в тогдашней Вене после распада империи Габсбургов. Отметим, что египтология и коптология в странах Западной и Центральной Европы переживали тяжёлые времена, особенно в странах, проигравших войну, вплоть до середины тридцатых годов. Но на этом фоне то, что происходило в нашей стране, было ещё ужасней: эти науки всегда финансировались по принципу «остаток от остатка».

Несмотря на тяжёлые обстоятельства и продолжая работать преподавателем в Экспортной Академии, он сумел стать приват-доцентом по египтологии в родном для него Венском Университете. Совмещая оба рода своей деятельности, сумел добиться командировки в Египет, где и провёл зиму 1930–31 гг. После этой поездки он наконец получил возможность целиком уйти в родную для него стихию, став

руководителем Отдела Папирологической Коллекции в Национальной Австрийской Библиотеке. Эту должность он занимал до 1951 г. С 1939 по 1950 г. В. Тилля преследовали всякие неурядицы, обусловленные в том числе и политическими событиями той эпохи (Вторая мировая война и новая послевоенная разруха). В 1950 г., заручившись поддержкой своих коллег, он принял решение покинуть Австрию. Зимой 1950–51 гг. он провел в Египте, читая курс коптского языка в Каирском Университете. Там он снискал славу превосходного преподавателя и знатока.

С этого момента, по признанию самого В. Тилля, у него начался самый светлый период жизни: в 1951 г. его пригласили на постоянную работу в Манчестерский Университет, где он вёл курс коптской грамматики вплоть до выхода на пенсию в 1959 г. Эти годы явились и самыми плодотворными в его жизни: он опубликовал шесть монографий и 37 статей и создал большой задел для дальнейших публикаций.

Приобретя мировую известность, преодолев материальную нужду и удалившись от дел, он решил вернуться туда, где провёл свои лучшие годы, ребёнком мечтая о научной деятельности, туда, где в нём впервые пробудился интерес к иностранным языкам, в самое родное для него место — в Герценбург. Увы, жить ему оставалось недолго. 3 сентября 1963 г. В. Тилля не стало.

Более десяти монографий В. Тилля посвящены в основном изданиям коптских текстов, четыре — коптской грамматике. Десятки его статей касаются различных аспектов текстологии и грамматики. Мы полагаем, что в области исследования коптской грамматики В. Тилль оставил наиболее заметный след. Пожалуй, никто, кроме В. Тилля, так тонко не разбирался в проблемах коптской диалектологии. До сих пор его грамматика, посвященная сравнительно-сопоставительному описанию коптских диалектов, остаётся непревзойдённой. В отдельной монографии изложено описание ахмимского диалекта. Наконец, он составил хрестоматию по файюмскому диалекту. Но истинной жемчужиной является его учебная грамматика саидского диалекта, сочетающая в себе глубину лингвистического анализа со строгостью и простотой описания. Мало того, что это прекрасный учебник, это ещё и великолепное справочное пособие, где даже неспециалист легко найдёт ответы на интересующие его вопросы. Вместе с диалектальной грамматикой она составляет минимальную самодовлеющую пару источников, дающих достаточно полное представление о том, что же собою представляет коптский язык. Весьма положительным моментом является то, что описание коптского языка проводится с оглядкой на этимологию форм, т. е. с учётом богатейшей истории этого языка, не знающего равных среди старописьменных языков мира. Теоретические выкладки В. Тилля, будь то в вышеуказанных монографиях, будь то в статьях, до сих пор не утратили своей актуальности, а многие из них могли бы оказаться весьма плодотворными при дальнейшей разработке.

Вышесказанное, однако, нисколько не умаляет заслуги В. Тилля как специалиста во всех тех областях, в которых ему приходилось трудиться. Его публикации

текстов и сейчас во многом остаются образцовыми, а их интерпретации — достаточно актуальными в силу их продуманности и обоснованности. Само собой разумеется, что всё это в полной мере относится и к изданию нашего источника. Именно благодаря В. Тиллю работа, которую не смог довести до конца К. Шмидт, увидела свет в 1955 г. В. Тилль тщательно пересмотрел весь текст и максимально бережно отнёсся к тому, что сделал его предшественник К. Шмидт. Эмэндациям подверглись лишь немногие места — это касается как переложения самого коптского текста, так и его интерпретации.

Тем не менее, нет и не может быть такой работы, которую нельзя было бы сделать лучше. Поэтому следует по достоинству оценить тот вклад, который был внесён профессором Берлинского Университета доктором филологических наук Хансом-Мартинем Шенке (H.-M. Schenke) при подготовке второго (немецкого) издания этой книги. Текст был сверен с оригиналом и в некоторых случаях подправлен. Был тщательно перепроверен перевод и скорректирован там, где это диктовалось необходимостью ради более адекватного понимания. Этому способствовал и богатый опыт, полученный Х.-М. Шенке в ходе работы с гностическими документами из Наг-Хаммади, ставшими достоянием науки после окончания Второй мировой войны. «Деяние (Апостола) Петра» заняло своё надлежащее место в публикации, которого оно было ненадлежащим образом лишено первоиздателями сборника К. Шмидтом и В. Тиллем. Был сделан ряд существенных поправок и ценных замечаний, наиболее пространные из которых были вынесены в особый раздел в конце издания — путь, который был намечен ещё В. Тиллем. Текст был переиздан Х.-М. Шенке в 1972 г.

Х.-М. Шенке относится уже к третьему поколению исследователей и издателей данного гностического сборника. Маститый учёный, специалист по коптской филологии, текстолог, папиролог, религиовед, прекрасный знаток новозаветной литературы и гностических сочинений, он 25 апреля 1999 г. отпраздновал своё семидесятилетие. Автор полутора десятков монографий и более сотни статей, заметок и рецензий, Х.-М. Шенке при подготовке переиздания данного текста тоже проявил великий такт по отношению к своим предшественникам, внося свои поправки и дополнения таким образом, что они как бы наложились на текст предшествующего издания. На основе переиздания Х.-М. Шенке мы и осуществляем первое русское издание.

Итак, гностический кодекс, получивший название «берлинского» по месту своего хранения и каталогизированный под номером 8502, был издан впервые в 1955 г. и переиздан в 1972 г. с толкованием текста и с комментарием на немецком языке. Спрашивается, надо ли его ещё раз переиздавать, и на этот раз по-русски?

Начнём с того, что в нашей стране никогда не было недостатка в людях, которые, даже не будучи профессионалами, всегда интересовались проблемами философии, теософии и иными, имеющими отношение к проблемам личного и общественного мировоззрения в самом широком смысле. Петербуржцы всегда были

самой читающей публикой и наиболее взыскательной к подобного рода литературе. Но такого рода издания всегда представляли собою большую редкость, а потому были малодоступны. Например, в Санкт-Петербургском Филиале Института Востоковедения Российской Академии Наук, где трудится автор данных строк, первое издание существует лишь в виде микрофильма, и только второе — в нормальном книжном виде. В каких ещё научных библиотеках нашего города можно было бы попытаться поискать такое издание? Разве что в Библиотеке Академии Наук, в Центральной Университетской Библиотеке или в Публичке. Впрочем, эти библиотеки всегда получали ничтожный процент от выходящей за рубежом литературы, а сейчас положение с поступлением новой литературы и вовсе стало мрачным. Легко ли получить доступ к литературе в этих библиотеках читателю, не имеющему диплома о высшем образовании и не работающему либо в системе Академии Наук, либо в одном из признанных высших учебных заведений города? Естественно, нет. Наконец, много ли найдётся даже в «культурной столице» людей, не только интересующихся вышеуказанной проблематикой, но притом ещё и владеющих сносно (на уровне чтения) тремя основными западноевропейскими языками, не говоря о восточных? Единицы. И тем не менее, кругом проблем, связанных с историей становления христианства, интересуются очень многие, и интерес этот, тем более в нашу нынешнюю эпоху, более чем оправдан. Кроме того, в ряде учебных заведений преподаётся теософия, история религии, идеалистическая философия и т. д., т. е. предметы, предполагающие знакомство с истоками основных мировых религий, с течениями, близкими им и им противоборствовавшими. Студентам таких заведений приходится обращаться к проблемам гностицизма. Некоторые из них даже пишут специальные работы по этой теме. Но чем они пользуются? Хорошо, если переводами отечественных исследователей, которых крайне мало (как переводов, так и самих исследователей), зарубежными изданиями текстов (которых тоже крайне мало и доступ к которым затруднён), в худшем — исследованиями по этой теме, которых тоже крайне мало.

Но если уж интересоваться такой невероятно сложной темой, как гностицизм, то правильнее всего обращаться к текстам, ближе всего стоящим к первоисточникам, т. е. к публикациям или изданиям, где дан сам текст оригинала, хотя бы и в переписанном виде, его интерпретация и комментарий, обосновывающий чтение, точнее — понимание данным исследователем данного текста. Это вовсе не значит, что не следует читать исследования, где на основе начитанных текстов автор излагает ту или иную концепцию. Оптимально сочетать то и другое. Если мы обращаемся к публикации источника, то следует выбирать не перевод с перевода, а перевод с оригинала. Если это не первая публикация, то автор переиздания должен учитывать интерпретации своих предшественников и отмечать расхождения в своих комментариях. Оптимальным случаем было бы то, чтобы читатель, интересующийся той или иной проблематикой, владел бы языками соответствующих источников, но это, увы, идеальный случай. Но если читатель — чело-

век серьёзный, он будет к этому стремиться. В любом случае желательно, чтобы над переводом издания текста потрудился бы специалист, хотя бы причастный по роду своих научных занятий к языку подлинника. В противном случае мы столкнёмся с эффектом испорченного телефона, а в результате получим гладкое сочинение, по содержанию равноценное школьному учебнику для начальных классов, читая который «всё ясно» и никаких проблем.

Как любил говаривать мой покойный учитель-египтолог, профессор ЛГУ, Николай Сергеевич Петровский, «египетский текст — это вам не газета». В полной мере это справедливо и по отношению к тексту данного кодекса, и не только потому, что коптский язык, на котором написаны содержащиеся в нём сочинения, представляет собой последнюю ступень развития (древне)египетского языка. Многие египетские тексты, куда более древние, чем эти, гораздо проще для понимания. Разве что Тексты Пирамид, Тексты Саркофагов и Книга Мёртвых по своей сложности сравнимы с этой. Да и степень изученности коптского языка оставляет желать много лучшего. И терминология, присущая гностическим сочинениям, отнюдь не однозначна. Из этого следует: двух одинаковых прочтений таких текстов, как, например, «Апокриф Иоанна» или «Премудрость Иисуса Христа», просто быть не может. Близкими они быть могут, но всегда будут отличаться в нюансах, приобретающих порой весьма существенное значение, ибо каждый исследователь увидит в тексте нечто такое, мимо чего пройдёт другой исследователь, и т. д. Отсюда следует, что очередное переиздание одного и того же текста — это очередное его прочтение, если не использовать некорректное с лингвистической точки зрения слово «перевод» для толкования и пересказа смысла письменного источника такой высокой степени сложности.

Здесь, по-видимому, уместно ответить и на последний вопрос, могущий возникнуть в связи с данной публикацией, а именно: почему только сейчас выходит первое русское издание этого невероятно интересного сборника, если его первое издание вышло ещё в 1955 году, а второе — в 1972?

В 1955 г. на весь Советский Союз приходилось всего два человека, имевших отношение к коптологии — это член-корреспондент АН СССР, доктор филологических наук П. В. Ернштедт и А. И. Еланская, выпускница кафедры арабской филологии восточного факультета ЛГУ, которая ещё только определялась со своими научными интересами и лишь в 1956 г. ставшая аспиранткой по специальности «коптская филология». П. В. Ернштедт, в те годы уже тяжело больной, пребывал на пенсии с 1954 г., руководя по 1959 г. работой А. И. Еланской, а с 1959 г. по 1966 г. наносил последние штрихи в тех своих работах, которые были написаны им ранее и которые он надеялся опубликовать. Долгие годы после кончины П. В. Ернштедта А. И. Еланская оставалась фактически единственным специалистом по коптской филологии и утверждалась в области исследования коптской грамматики — необъятное поле для научной деятельности, плохо изученное и фантастически интересное. Позже в коптологию пришла М. К. Трофимова и занялась раннехристианской

и апокрифической литературой. Спрашивается, могли ли эти прекрасные исследователи подготовить первое русское издание этого памятника, скажем, уже после выхода второго немецкого издания, т. е. после 1972 г.? Теоретически — да, практически же дело упиралось не только и не столько в личные научные интересы того или иного исследователя, сколько в политику государства, не приветствовавшего выход в свет книг подобной тематики. Если что и выходило, то с огромным трудом, а авторы, если их мнение расходилось с официальной доктриной, подвергались нажиму, впадали в немилость. И если востоковед в нашей стране подобен герою-одиночке, то востоковед, занимавшийся проблемами становления ислама, иудаизма или христианства, в недавние времена вполне мог именоваться «дважды героем». Морально легче было трудиться в области языкознания, деидеологизированного к началу шестидесятых годов, чем в этой.

Времена изменились, и вместе с ними изменилось положение с фундаментальными научными гуманитарными исследованиями прямо-таки на диаметрально противоположное, что так же пагубно для развития отечественной гуманитарной науки, как и прежде. Гуманитарная наука фактически отдана на откуп различного рода фондам, мнение руководства которых, делящего скудные средства, отнюдь не всегда беспристрастно и объективно, когда речь идет о конкретном проекте, либо на откуп чисто рыночной конъюнктуре, что отнюдь не лучший вариант, если речь идёт о фундаментальном произведении. Трагизм положения заключается в том, что научный коллектив — главный эксперт — лишён материальных средств, тогда как последние находятся в руках людей, либо оторвавшихся от науки, либо никогда с ней не имевших внутренней связи. Поэтому всякий гуманитарий, пытающийся в нынешних наших условиях сохранить себя как исследователь, но в то же время и публиковаться, вынужден балансировать на весьма скользкой грани, по одну сторону которой затворничество, уход от дел либо «писание в стол», а по другую — грубая конъюнктурная халтура.

Бывает, однако, что в такой ситуации неожиданно возникает просвет, когда удаётся себя реализовать, хотя и в несколько необычном амплуа, в то же время не слишком отдаляясь от своей основной специализации, а в чём-то и заполняя свои внутренние пробелы, совершенствуясь в языке, прежде находившемся на периферии собственных научных интересов. Именно так и получилось с настоящим предложением, поступившим от издательства «Алетейя» — за что мы ему искренне признательны — относительно данной публикации.

При написании этого раздела использовалась следующая литература: содержание сборников Carl-Schmidt-Kolloquium an der Martin-Luther-Universität 1988. Hrsgg. v. Peter Nagel // Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge 1990/23 (K 9). Halle (Saale) 1990 и Der Gottesspruch in der koptischen Literatur. Hans-Martin Schenke zum 65. Geburtstag hrsgg. v. Walter Beltz // Hallesche Beiträge zur Orientalwissenschaft 17. Veröffentlicht im Institut für Orientalistik der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg 06099 Halle, s. a. (1994), некрологи Mirrit Boutros Ghali. In

memoriam Professeur Walter C. Till 1894–1963 // *Bulletin de la Société d'archéologie copte*. Tome XVII (1963–1964). Le Caire. MCMLXIV. P. 1–12 и Erich Lüddeckens. Walter Till. 22. Februar 1894–3. September 1963 // *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* hersgg. v. Fritz Hintze und Siegfried Morenz. 91. Band. (Bln. – Lpz.) 1964. S. XI–XV, а также данные из книги Warren R. Dawson and Eric P. Uphill. *Who was who in Egyptology*. 2nd ed. London. The Egypt Exploration Society. 1972. См. также: Crum W. E. *A Coptic Dictionary*. Oxf. 1962. Preface; Хосроев А. Л., Четверухин А. С. Вводная статья // П. В. Ернштедт. *Исследования по грамматике коптского языка*. М., 1986; Четверухин А. С. Пути развития отечественной египетской филологии в последние годы // АН СССР ИВ. Тезисы конференции. Т. II. Языкознание, литературоведение. М., 1987. С. 154–157.

А. С. Четверухин